

«Облака», передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Выпуск 11.03.2014.

Благополучие человека, в принципе, очень сильно зависит от его здоровья и, следовательно, от уровня медицинского обслуживания, существующего в стране. Это касается и человека на воле, и в еще большей степени, тех, кто находится в местах лишения свободы и содержания под стражей.

Согласно статье 41 Конституции Российской Федерации, «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь». Однако в настоящее время нельзя сказать, что это конституционно гарантированное право реализуется в полной мере. Даже в отношении тех граждан, которые не столкнулись с системой уголовного правосудия, не понесли наказания и не находятся в закрытых учреждениях. Необходимость обеспечения достойной медицинской помощи заключенным лежит на органах государственной власти, исполняющих уголовные наказания, и регулируется как внутренним законодательством России, так и теми международными документами, которые она подписала, например, Европейскими пенитенциарными правилами. У микрофона известный правозащитник Валерий Борщев:

Мы его обязаны выполнять. И я хотел бы напомнить сороковую статью, где сказано: заключенные должны иметь доступ к медицинским услугам, имеющимся в стране, без дискриминации их правового положения. То есть, заключенный, независимо от их правового положения, независимо от того, что они лишены свободы, они должны иметь право на медицинское обеспечение, такое же как и все граждане. В европейских правилах это подчеркивается.

Европейские тюремные правила не дают прямого ответа, какова должна быть структура и организация медицинского обеспечения заключенных. Это зависит от особенностей той или иной страны, от традиций. В некоторых странах заключенными занимается гражданская медицина, в других, как, например, у нас, медицина находится в системе исполнения наказаний. Правда, в Советском Союзе до 1934 года здоровьем заключенных тоже занимались обычные, а не тюремные медицинские учреждения. А сейчас, с начала этого года наша тюремная медицина постепенно отходит от полной зависимости, в том числе финансовой, по крайней мере, от начальников учреждений. По замыслу реформаторов, это должно улучшить реализацию права заключенных на здоровье. Валерий Борщев считает, что стоит присмотреться к голландской модели организации взаимоотношений между медицинской службой и непосредственно тюремного ведомства.

Нам кажется, что сегодня нам очень был бы интересен голландский опыт, где медицина остается в структуре уголовно-исполнительной системы. Но, и руководство, и тесные такие связи медицинские осуществляются гражданской медициной. Так не просто такое параллельное взаимодействие, а в общем-то верховенство гражданской медицины. При всем при том, что сами по себе врачи остаются в этой системе. Это интересный опыт.

Министерство юстиции и Федеральная служба исполнения наказаний согласились, что следует двигаться в этом направлении и изучить голландский опыт.

***

На конференции, посвященной тюремной медицине, состоявшейся в конце февраля в Москве, были озвучены как системные проблемы, так и отдельные случаи, которые порождают эти проблемы. Один их самых ярких примеров того, как чрезвычайно сложно добиться медицинского освидетельствования в гражданском медучреждении, является смерть осужденного Николая Козлова в мае прошлого года, содержащегося в следственном изоляторе Матросская Тишина в Москве. Он умер через день после своего освобождения, внезапно для всех, но самое главное - для тюремных врачей, которые его наблюдали и отмечали положительную динамику его состояния всего лишь за две недели до смерти. Между тем, правозащитники не раз просили о том, чтобы ему было разрешено пройти освидетельствование гражданскими медиками, и всякий раз ему в этом отказывали. Рассказывает Валерий Борщев:

Адвокаты добились судебного разбирательства, 16 состоялся суд, и здесь что важно? Важно заключение врача Матросской тишины. Выступила врач Романова, пояснившая, что оснований для удовлетворения ходатайства Козлова в настоящий момент не имеется. Поскольку медицинская помощь Козлову оказывается в полном объеме, и в ходе лечения состояние здоровья Козлова наметилась положительная динамика и имеющиеся у Козлова заболевания своей степени тяжести не подпадают под перечень заболеваний. Через неделю Козлов попадает в реанимацию, через две недели он умирает. У него была 4-я степень рака легких. Она не была диагностирована в Матросской тишине. В Матросской тишине его лечили совсем от других болезней и в этом смысле упорство, отчаянное упорство руководства СИЗО и медицинского отдела УФСИН вызывает возмущение.

В этой истории последняя точка еще не поставлена. Сейчас делом о смерти Козлова занимается московская прокуратура, которая хочет разобраться, почему человеку в тюрьме не дали возможности узнать о своем смертельном диагнозе и в то же время заявляли перед судом, что лечение ему предоставляется «в полном объеме». Причем до сих пор ведомство стоит на своем и не признает за собой никакой вины. У микрофона Валерий Борщев:

Опять вот недавно я получил от Тихомирова, начальника УФСИН, где он пишет, да, все нормально, Козлов действительно просил, чтобы его обследовали, но ему дан «мотивированный ответ». Что такое мотивированный ответ? – Убедительный, не убедительный. Конечно, не убедительный. Мотивированный ответ - это очень такая лукавая формулировка. Ему был дан ответ, ... когда ему был дан неправильный диагноз... И что вот его заболевание не подходило под 3-е постановление. Конечно, то заболевание, которое ему диагностировали, не походило. А на самом деле у него был рак 4-й степени, уже приближался к терминальной стадии.

Этот случай не должен остаться без выводов и последствий. Человек в тюрьме имеет такие же права на медицинскую помощь, что и вольный гражданин. Так должно быть по закону, по конституции, об этом договорилось и международное сообщество. В этом же случае заключенный, даже умирая, не получил доступ к гражданской медицине. Именно потому, что он сидел в тюрьме.

***

Почти половина всех жалоб, поступающих в аппарат уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, так или иначе, включают в себя медицинские аспекты. В чистом виде обращения по поводу ненадлежащего медицинского обслуживания составляют примерно 13-15 процентов от общего числа обращений. Всего в год поступает порядка трех тысяч жалоб заключенных, 500 из которых напрямую касаются нарушений

права на здоровье. У микрофона сотрудник аппарат уполномоченного по правам человека в РФ Александр Бородулин:

На что жалуются? На неоказание медицинской помощи, неоказание специализированных, квалифицированных и узкоспециализированных, высокотехнологичных видов помощи. Жалобы на отказ...по определению группы инвалидности, ну, и разумеется жалобы на решение судов об отказе в освобождении от отбывании от наказания в связи с тяжелой болезнью. Обоснованных жалоб среди вот этих не так уж и много, порядка полтора процента, 20-25 случаев в год.

К сожалению, такой малый процент обоснованных жалоб объясняется не тем, что сами заключенные пытаются ввести в заблуждение главный правозащитный орган страны. Причина, по мнению Александра Бородулина, кроется в другом:

Почему? Да потому что...куда мы посылаем медицинские вопросы проверять? На места, в прокуратуру. В прокуратуре медиков нет, привлекаются те же самые медики, на которых и жалуются. По сути, они сами и рассматриваются эти жалобы. Обычно прикрываются какими-то оперативными вопросами, нарушил режим содержания или еще чего-нибудь такое, в общем, какие-то такие режимные требования превалируют в ответах...ну, куда деваться...по сути дела, в нашей ведомственной медицине нет вневедомственного медицинского контроля.

Лишь в особых случаях, особенно, со смертельным исходом, там, где требуется проведение судебно-медицинской экспертизы, прокуратура привлекает территориальные органы Росздравнадзора. А главные причины неутешительного состояния тюремной медицины сотрудники аппарата Уполномоченного по правам человека видят в недостаточном финансировании медицинской службы, и, отчасти - в низкой квалификации медперсонала учреждений и его зависимости от руководства колоний и тюрем. Последняя проблема, как предполагается, в какой-то степени будет вскоре решена. Ведь с начала этого года медицинская служба претерпела серьезные структурные изменения, и врачи теперь выведены из непосредственного подчинения начальников учреждений. В некоторых регионах такая система, в качестве эксперимента, уже работает несколько лет – у медслужбы есть большая степень независимости, она получает отдельное финансирование. Однако, судя по потоку жалоб, которые приходят от заключенных к Уполномоченному по правам человека, эти регионы пока на общем фоне особенно не выделяются.

***

Степень реализации права заключенных на здоровье иногда красноречиво отражается в статистических показателях. Всем известно, что и заключенного под стражу, и осужденного, лишённого свободы, могут освободить по болезни. Но чтобы это произошло, человек должен сначала получить направление на медицинскую комиссию, потом получить ее одобрение, затем окончательное решение принимает суд. Этот путь настолько тернист и долог, что многие просто не доживают до освобождения. У микрофона председатель общественной наблюдательной комиссии Алтайского края Александр Гончаренко:

2013 год. Подали 33 ходатайства. В 21 случае было принято положительное решение, это медицинской комиссии. Из 21 только 8 вышли на свободу. А 10 человек – умерли до вступления в силу решения суда. 2012 год. Было рассмотрено 44 заявления. По мнению

медиков 37 человек подлежало освобождению. В 30 случаях судья согласился с медиками. Из них было освобождено 17, а 13 умерли еще в колонии, то есть не успели вдохнуть глоток свободы, прежде чем умереть.

Поток жалоб Уполномоченному по правам человека на отказы судов в освобождении тяжело и даже смертельно больных заключенных особенно возрос в 2010 году. Как отмечают сотрудники аппарата Уполномоченного, в основе отказов в освобождении почти умирающему человеку лежали иногда совсем несуразные мотивировки: «не встал на путь исправления», «не участвует в общественной жизни колонии», «имеет столько-то нарушений правил внутреннего распорядка» и т.п. Аппарат Уполномоченного направил обращение к председателю Верховного суда с просьбой обобщить судебную практику по таким делам, который практику обобщил, но на Пленум этот вопрос не вынес, и, следовательно, никаких рекомендаций не принял. Вопрос остается открытым и не решается, хотя для некоторых он является в буквальном смысле вопросом жизни и смерти.